

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-114-125>

Оригинальная научная статья

Направления воображаемых путешествий в лирике Г. Иванова

М. И. Высоцкая

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

✉ masha208889@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается феномен воображаемого путешествия в лирике Г. Иванова – представителя русской эмиграции первой волны. Различные вариации воображаемых путешествий, активно функционирующие в лирике поэтов-эмигрантов, коррелируют с традициями мировой литературы и проявляют специфику поэзии русского зарубежья. Методологически востребованным сейчас является соединение семантического анализа с описанием культурно-исторического контекста, что позволяет говорить об актуальности данного исследования. Целью работы является изучение трансформации явления воображаемого путешествия в содержательном и структурном отношении в зависимости от культурно-исторического контекста, в котором существует поэт-эмигрант. Для достижения цели проводится сопоставительный анализ специфики данного явления в доэмигрантском и собственно эмигрантском периоде творчества Иванова. В статье устанавливается, что для лирического субъекта Иванова характерны следующие направления воображаемых путешествий: литературная и культурная реальность (ранняя лирика), космическое пространство небытия (лирика эмигрантского периода) и пространство утраченной родины – России (эмигрантский период). Литературное пространство, в которое перемещается лирический субъект Иванова, напрямую связано с определенными культурными эпохами – классицизмом, рококо, романтизмом. Лирическим субъектом движет стремление вписать себя в новую реальность, что актуализирует проблему самоидентификации. Обращение к культурно-историческому контексту позволяет определить, что факт эмиграции воспринимается Ивановым как трагедия, поэтому в его текстах (в сравнении с ранней лирикой, где образ России и Петербурга возникает редко) наблюдается стремление лирического субъекта вернуться в Россию посредством актуализации работы механизмов собственной памяти или воображения, замещающего невозможность возвращения. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ указывает, что для лирического субъекта поздней лирики Иванова количество маршрутов сокращается и положительную ценность имеет только один – маршрут, который приведет его в утраченную навсегда реальность. Результаты исследования могут быть применены при дальнейшем изучении поэтического дискурса литературы русского зарубежья.

Ключевые слова: Георгий Иванов, воображаемое путешествие, лирический субъект, самоидентификация, эмиграция, реальное и ирреальное пространства, небытие, Россия, эмигрантская лирика, культурные и литературные маршруты

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Высоцкая М. И. Направления воображаемых путешествий в лирике Г. Иванова. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 114–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-114-125

Original article

Directions of imaginary journeys in the lyric poetry of Georgy Ivanov

Maria I. Vysotskaya

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

✉ masha208889@gmail.com

Abstract

The article reveals the phenomenon of the imaginary journey in the lyric poetry of Georgy Ivanov, a prominent figure of the first wave of Russian emigration. It explores the various expressions of imaginary journeys in the poetry of emigrant poets, that correlate in relation to established traditions of world literature and the distinctive characteristics of the poetry of Russian diaspora. The integration of semantic analysis with cultural and historical contextual description is a methodologically pertinent approach, explaining the relevance of this study. The objective of this research is to explore the transformation of the phenomenon of imaginary voyage, regarding its content and structure, as contingent upon the cultural and historical context surrounding the emigrant poet. To achieve this objective, a comparative analysis of the specific characteristics of this phenomenon is conducted, focusing on both the pre-emigration and actual emigration periods of Ivanov's lyrics. The article identifies the following trajectories of imaginary voyage as emblematic of Ivanov's lyrical subject. In his early lyrics, he focused on literary and cultural reality, whereas in his emigrant period lyrics, he focused on the cosmic realm of non-being and the territory of the lost homeland — Russia. The literary reality into which Ivanov's lyrical subject emerges is linked to specific cultural epochs — classicism, rococo, romanticism. The lyrical subject is propelled by the desire for integration into a new reality, risking self-identification. Access to the cultural and historical context enables the researcher to realize that Ivanov perceives his emigration as a tragedy. Therefore, his later texts (in contrast to the early lyrics, where the image of Russia and St. Petersburg appears infrequently) reveal his desire to return to Russia, using the mechanisms of memory and imagination to compensate for the impossibility of real return. The comparative analysis indicates that, for the lyrical subject of Ivanov's emigration lyrics, the number of potential routes diminishes, with only one route bearing a positive connotation — leading to an irrevocably lost reality. The results of this study may contribute to the further exploration of the poetic discourse within the literature of the Russian emigration.

Keywords: Georgy Ivanov, imaginary travel, lyrical subject, self-identification, emigration, real and unreal worlds, oblivion, Russia, emigrant lyrics, cultural and literary routes

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Vysotskaya M. I. Directions of imaginary journeys in the lyric poetry of Georgy Ivanov. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 114–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-114-125

Введение

Изучение творчества Георгия Иванова в последние годы привлекает все большее количество исследователей. Если первые работы, вышедшие в 1990-х гг., давали обобщенные представления о специфике творчества поэта, то в последующие годы поэзия Иванова была осмыслена более детально, внимание исследова-

телей было сосредоточено на рассмотрении отдельных аспектов его творческой деятельности. Важными источниками для нашего исследования являются работы Е. Я. Якуновой [1], Т. С. Соколовой [2], Н. К. Загребельной [3], которые затрагивают вопросы пространственной организации художественного мира поэта, рассматривая поэзию Иванова в диахроническом аспекте. В работах Е. Р. Варакиной [4], Ю. В. Несыновой [5] прослеживается связь между возрастающим трагическим мироощущением поэта в поздней лирике и факторами исторической действительности.

В данной работе мы хотим рассказать об особенностях феномена воображаемого путешествия в лирике Иванова. Путешествие представляется достаточно частотным мотивом для русской литературы, который развивается как в прозаических, так и в стихотворных текстах. Помимо традиционных путешествий, специфике которых посвящено достаточное количество научных работ, мы выделяем категорию «воображаемых путешествий», используемую применительно к поэтическому творчеству. Подробно явление «воображаемого путешествия» исследуется в работе А. А. Фаустова [6], где выделяются особенности эволюции воображаемых путешествий, которые от странствий с вымышленной географией, не связанных с предметной реальностью, не имеющих референции к автору, переходят к путешествиям, в которых субъект речи соотносится с автором, а маршруты странствий обращаются к реальным локусам, затрудняя идентификацию вымышленного и действительного. «Воображаемое путешествие» понимается как перемещение внутритекстового субъекта в ту или иную гетеротопию, совершаемое при помощи воображения (или в воображении) [6]. «Воображаемость» может быть достигнута при проведении читателем идентификации субъекта речи с биографическим автором.

Маршруты воображаемых путешествий доэмигрантской лирики

Картина мира лирики Иванова доэмигрантского периода характеризуется пространственным многообразием. Лирический субъект часто оказывается в ситуации путешествия, когда не просто перемещается из одной точки мира в другую, но оставляет привычную ему реальность для перемещения в совершенно новое пространство со своими законами существования и обитателями. Наличие пространств – реального (действительность, в которой находится лирический субъект) и ирреального (инобытие, в которое субъект стремится проникнуть) – является одним из факторов, определяющих картину художественного мира поэта.

В лирике Иванова доэмигрантского периода лирический субъект может совершать путешествия в различные литературные и культурные эпохи ушедших времен. Одним из постоянных маршрутов, по которым движется лирический субъект, становится реальность «галантного века». Исторически понятие «галантного века» связывают с XVIII столетием и периодом правления Людовика XV. Характерной особенностью данного времени становится эстетизация сферы частной жизни. Одним из известных художников, воплотивших в своем творчестве особенности «галантной» культуры, является Антуан Ватто – французский живописец XVIII века. Название своего первого сборника стихотворений («Отплыть на о. Цитеру») Иванов заимствует у одной из картин Ватто. Уже в самом заглавии фиксируется факт совершаемого лирическим субъектом путешествия. Остров Цитера становится одной из многочисленных реальностей, которые посещает лирический субъект.

Группа стихотворений, показывающих путешествие в мир «галантной» культуры и полотен Ватто, отличается некоторой общностью: лирический субъект перемещается в реальность, где начинает идентифицировать себя с участником театральной труппы. Некоторые тексты Иванова контекстуально оказываются связаны с картинами Ватто, в которых отображается мир театра. Исследователи характеризуют творческую манеру Ватто следующим образом: «Художник

постоянно мистифицирует зрителя, переводя образы и действие из театрального мира в действительные, его герои существуют одновременно в этих обоих мирах и ни в одном не имеют под ногами твёрдой почвы» [7]. Двойственность лирического субъекта будет обнаруживать себя и в позднем творчестве Иванова, поскольку переживание поэтом ситуации изгнания поставит лирический субъект в противоречивые условия нахождения либо в пространстве действительности, либо в пространстве инобытия, каждое из которых будет в определенной степени неустойчивым.

Подобная театрализация жизни, ее подчеркнутая искусственность наблюдаются в текстах, где лирический субъект переносится во времена эпохи рококо, в частности, и отраженные на картинах уже упомянутого Антуана Ватто, и знакомые представителям эпохи Серебряного века благодаря работам художника Константина Сомова, который в своем творчестве отразил особенности «галантной» французской культуры. Лирический субъект, который в стихотворениях Иванова мысленно переносится в прошлое, достаточно определенно говорит о нереальности существующего в его сознании мира: «О, празднество на берегу, в виду искусственного моря» [8]; «О, подражатели Ватто, переодетые в маркизов, / Дворяне русские, – люблю ваш доморощенный Версаль» [8]. Данная реальность, отражающая культурные особенности ушедшей эпохи, способна из пространства, принадлежащего искусству (полотно художника, поэтический текст), перейти в пространство действительности: «Пусть голубеют веера, вздыхают робкие свирели, / Пусть колыхаются листы под розоватою луной, / И воскресает этот мир, как на поблекшей акварели – / Запечатлел его поэт и живописец крепостной» [8].

В тексте стихотворения «Бродячие актеры», где лирический субъект вновь проводит собственную идентификацию в условиях не соответствующего миру действительности пространства и определяет себя как одного из группы странствующих актеров, тоже обнаруживается ориентация на культуру рококо. Лирический субъект после крайне утомительного и тяжелого путешествия располагается отдохнуть со своими спутниками в тени лесных деревьев: «Вот пришли. – Скорее падай, / Узел мой, с усталых плеч. / Осененному прохладой, / Сладко путнику прилечь» [8]. Несмотря на наличие верной спутницы Берты, лирический субъект уединяется от остальных за стволом дерева для того, чтобы вдали от чужих глаз поцеловать любовное письмо от другой женщины: «Распаковывает Берта / Тюк с едою и вином. / Край лилового конверта / Я целую за стволом» [8]. Таким образом, мы наблюдаем, как в рамках одной реальности сочетаются различные культурные контексты: традиции и персонажи балаганной культуры и такие рокайльные образы и ситуации, как целование любовного письма.

Н. А. Богомолов, комментируя особенности художественного мира Иванова, подчеркивает: «Конечно, нельзя сказать, что Иванов вообще представляет себе мир в виде картины, гравюры, живописи на фарфоре и т. п. В его стихах изображение и изображенное взаимодействуют, грани между ними уничтожаются, природа переходит в картину, а та в свою очередь оживает, причем момент перехода непредсказуем и потому активно воздействует на читателя» [9]. Необходимо упомянуть, что данное суждение Богомолова можно считать справедливым применительно к ранней лирике поэта. Мир, который изображен на картинах художников, оказывается вполне реален для лирического субъекта и доступен для перемещения непосредственно в пространство самой картины. Ряд таких текстов представлен в сборнике «Вереск», где происходит явное расширение маршрутов, по которым может совершать путешествие лирический субъект.

В одном из текстов присутствует обращение к реальности, схожей с изображениями на картинах Тернера (о котором уже напрямую ранее упоминал

лирический субъект). Полноценного перемещения не происходит, но лирический субъект убеждается в существовании реальности прошлого благодаря звукам, которые достигают его: «И пена бьет в лицо. / Но зорко я гляжу / На море, на закат, багровый и тревожный ... О, ветер старины, я слышу голос твой ... И знаю, там в огне, над зыбью роковой, / Трепещут паруса, пропитанные солью» [8].

Лирический субъект, выбирая между мирами, представленными на картинах художников, также говорит о своих предпочтениях: «Как я люблю фламандские панно, / Где овощи, и рыбы, и вино ... Но тех красот желанней и милей / Мне купы прибережных тополей, / Снастей узор и розовая пена / Мечтательных закатов Клод Лоррена» [8]. С помощью воображения лирический субъект осуществляет проникновение на полотна Лоррена, где старается слиться с окружающей его реальностью: «Матросы гаваней Лоррена, / Вы собутыльники мои. / Как хорошо блуждать, мечтая, / Когда над пристанью со дна / Встает янтарно-золотая / Меланхоличная луна» [8].

Обращается в «Вереске» лирический субъект и к пространству острова Цитеры. Если в ранних текстах поэта на ирреальности Цитеры не делается акцент («Бродят понуро / Фавны и нимфы / В чаше лесной. / Царство амура / Скрыли заимфы / Осени злой» [8]; «Амур пронзил меня стрелой, / Не знаю я, что делать мне / Куда ни гляну — вижу Хлою...» [10]), то в позднем тексте, обращенном к уже знакомой лирическому субъекту реальности, фокусируется внимание на её искусственности: «Цитерский голубок и мальчик со свирелью / На мраморной плите – латинские стихи. / Как нежно тронуты прозрачной акварелью / Дерев раскидистых кудрявые верхи ... И в бледных небесах искусственного рая» [8].

Еще одна литературная реальность, в которую совершает путешествие лирический субъект ранней лирики Иванова, отражает предпочтения эпохи раннего романтизма. Так, лирический субъект выбирает в качестве одного из постоянных маршрутов пространство Шотландии: «Я вспоминаю влажные долины / Шотландии, зеленые холмы. / Луну и все, что вспоминаем мы, Услышав имя нежное Алины» [8]. Размышления о шотландских пейзажах и атрибутах, предположительно, имеющих отношение к искомому топосу, приводят лирического субъекта к мысли о картинах известного художника периода романтизма: «О, легкие созданья Генсборо, / Цвета луны и вянущей малины / И поцелуй мечтательной Алины!» [8]. Стихотворение Иванова коррелирует с текстом Мандельштама («Я не слыхал рассказов Оссиана...» [11]), что дает понимание того, что пространство Шотландии, к которому обращается лирический субъект, не имеет референций к реальным объектам, поскольку отражает реальность, созданную с опорой на оссиановские мотивы. Шотландия, в которую мысленно отправляется лирический субъект, обладает особыми характеристиками: «Шотландия, туманный берег твой / И пастбища с зеленою травой, / Где тучные покоятся стада, / Так горестно покинуть навсегда!» [8]. В литературной реальности, отражающей особенности романтической эпохи, присутствует и лермонтовский контекст, задаваемый использованием лирическим субъектом устойчивой формулировки «моя Шотландия» («Под завесою тумана, / Под небом бурь, среди степей, / Стоит могила Оссиана / В горах Шотландии моей» [12]). В более позднем стихотворении лирический субъект признает, что пространство Шотландии существовало лишь в его воображении: «Теперь я знаю – все воображенье, / Моя Шотландия, моя тоска» [8]. Завершается обращение к Шотландии как к одному из маршрутов путешествия лирического субъекта уже в эмигрантской лирике, где невозможность возвращения в воображаемое пространство объясняется близостью скорой смерти: «Грустно, друг. И тем еще грустнее, / Что надежды больше нет. / Это уж не романтизм. Какая / Там Шотландия! Взгляни: горит / Между черных лип звезда большая / И о смерти говорит» [8].

Пространство Италии представляет собой следующий околоромантический топос, который захватывает внимание лирического субъекта. Изображаемый поэтом «итальянский» мир практически не имеет корреляции с реальностью, но все также оказывается насыщен знакомыми культурными кодами. Отметим, что при перемещении в Италию подчеркивается изначальная непринадлежность лирического субъекта этому пространству: «Увы, не созерцал я львов святого Марка, / Дворцов Флоренции и средиземных волн, / Тех роцц, где о земной любви вздыхал Петрарка, / Где Ариост блуждал, своих напевов полн» [8]. Желание оказаться в данном пространстве оказывается связано с потребностью обретения вдохновения. Лирический субъект не может остаться в ирреальном мире, но на некоторое время границы между воображаемым и действительным пространствами стираются: «Мечтателей луна / Всплывает надо мной. Забывшись, повторяю / Канцоны сладкие, златые имена. / И слышу рокот лир и голоса влюбленных, / И вижу дряхлые руины над водой, / И в черных небесах, звездами окропленных, / Великих призраки проходят чередой» [8].

Сборник «Сады» открывается стихотворением, в котором лирический субъект обращается к пространству, связанному с восточной историей и культурой: «Где ты, Селим, и где твоя Заира, / Стихи Гафиза, лютня и луна!» [8]. Мысленно лирический субъект оказывается в реальности, подвергнутой семиотизации, насыщенной различными литературными кодами. В тексте акцентируется внимание на постепенном исчезновении и забвении воображаемого пространства под воздействием реального мира: «Жестокий луч полуденного мира / Оставил сердцу только имена» [8]. Движение времени ускоряет распад культуры, которую можно сохранить, перейдя из пространства действительности в пространство, созданное из культурных кодов, воспринимаемых в творчестве поэтов и художников ушедших эпох.

Помимо неопределенных «восточных» пространств, в стихотворениях Иванова может обозначаться и вполне четкая локализация лирического субъекта: «Когда скучна развернутая книга / И, обездоленные, мы мечтаем, / Кружки кармина, кубики индиго / Становятся затейливым Китаем / На глянцевиной плоскости фарфора, / Дыша духами и шурша шелками, / Встает пятиугольная Аврора / Над буколическими островками» [8]. Взаимопроникновение реальностей осуществляется во время мечтаний, которым предается лирический субъект.

Интересным представляется текст из «Садов», где сопряжены два возможных маршрута лирического субъекта. Лирический субъект, который в данном тексте мыслит себя частью лирического «мы», оказывается в одной из реальностей, наполненной оссиановскими мотивами («И в тишине внимаем бытию, / Как рокоту глухого океана. / То бледное светило Оссиана / Сопровождает нас в пустом краю» [8]). Однако далее он получает возможность заглянуть в другое пространство, не покидая того, в котором находится: «И видим мы, склоненные к ручью / Полуденные розы Туркестана» [8]. Стихотворение строится на стилистической перекодировке («бледное светило Оссиана» становится «жалкой луной»). Лирический субъект колеблется между реальностью, отражающей романтическое мироощущение, и реальностью, содержащей антиромантический код. Иванов говорит о невозможности совершения путешествия из действительности и обретения желаемой свободы: «А сердце все не хочет убедиться, / Что никогда не плыть на волю нам / По голубым эмалевым волнам» [8]. Вероятно, что цветовой код стихотворения отчасти соотносится с текстом О. Мандельштама, где рассказывается о силе создаваемой художником реальности, позволяющей преодолеть смерть («На бледно-голубой эмали» [11]).

Не только пространства романтической культуры постепенно отвергаются лирическим субъектом: подобное происходит и с рокайльной реальностью. В одном из текстов, изданных в сборнике «Сады», лирический субъект как будто прощается

с идиллическим пространством культуры XVIII века: «И пение пастушеского рога / Медлительно растаяло вдали, / И сумрак веет. Только край земли / Румянит туч закатная тревога» [8]. Вместе с тем лирическим субъектом как будто утверждается новый маршрут для путешествий: «По листьям золотым – моя дорога. / О сердце, увяданию внемли! ... Нет, смерть меня не ждет ... И сладостней закатной нет дорог, / Когда трубит и умолкает рог» [8].

Иванов, который последовательно развивает мысль о возможности путешествия лирического субъекта в различные литературные и культурные реальности, в сборнике, в определенной степени подводящем итоги петербургскому периоду его творчества, показывает, как постепенно распадаются или теряют свою актуальность и значимость воображаемые пространства, используемые лирическим субъектом для ухода от непривлекательной и во многом угрожающей действительности.

Маршруты воображаемых путешествий в эмигрантской лирике

Эмиграция радикальным образом повлияла на изменение мировосприятия Иванова. Его лирика позднего периода характеризуется парадоксальностью, возникшей в результате специфической разобщенности сознания изгнанника. Художественный мир поэта по-прежнему характеризуется наличием разных пространств, где может находиться лирический субъект, но, в сравнении с ранним творчеством Иванова, акценты смещаются с реальностей, воплощающих различные культурные эпохи прошлого, на пространство, ожидающее лирического субъекта после окончания земного пути. Концепция художественного мира эмигрантской лирики Иванова основана на идее о хаосе, который постепенно поглощает действительность, что придает эсхатологичность происходящему. Лирическим субъектом осознаются собственная недолговечность и одновременно конечность существования привычной ему реальности. Земное пространство становится местом, где утверждается жизнь, тогда как выход за его пределы подразумевает нахождение в сфере небытия, в определенной степени воплощающей смерть.

Если литературное и культурное пространство, в которое совершает путешествие лирический субъект ранней лирики Иванова, в основном не имеет связи с российскими пространствами, а скорее изображает реальность, расположенную вне России, то в эмигрантской лирике мы можем отметить снижение количества упоминаний подобных локусов.

Париж, который становится непосредственным местом пребывания лирического субъекта, исключается из возможных для посещения вариантов, и достаточно часто представлен в текстах именно в качестве предельно обывоченного и невзрачного пространства действительности: «Парижский пригород, сюда, / Где мальчик огород копает» [8]; «Построили и разорили Трою, / Построили и разорят Париж» [8].

Еще одним локусом эмигрантского существования становится Ницца. Этот город обретает более четкие характеристики (при сопоставлении с Парижем). Так, лирический субъект может подчеркивать красоту и вместе с тем как бы искусственность Ниццы, связанную с семантикой смерти и одновременно подключающую литературный контекст, который может свидетельствовать о том, что лирический субъект обращается не к настоящему городу, а к Ницце из его воображения: «Уходит в пурпур и виссон / Лазурно-кружевная Ницца...» [8]. Неприятие и чужеродность этого пространства лирическому субъекту подчеркиваются в текстах, где эмигрантские реалии сравниваются с пространством родной страны: «Эмигрантская быль мне всего только снится – / И Берлин, и Париж, и постылая Ницца» [8]; «Может быть, умру я в Ницце, / Может быть, умру в Париже, / Может быть, в моей стране» [8].

Стихотворение, открывающее первый сборник эмигрантской лирики «Розы», задает новые пространственные координаты: «Над закатами и розами – / Остальное

все равно – / Над торжественными звездами / Наше счастье зажжено» [8]. Если в ранней лирике поэта путешествия по небесной сфере были достаточно редкими и не предполагали выхода за пределы земного мира, то в данном тексте лирический субъект говорит о том, что перспектива обретения счастья находится где-то в космическом пространстве – «над звездами». Появляются характеристики, свидетельствующие о нахождении лирического субъекта в дисгармоничной, не имеющей определенных границ реальности: «Все другое – только музыка, / Отражение, колдовство – / Или синее, холодное, / Бесконечное, бесплодное / Мировое торжество» [8]. Ранее лирический субъект, переместившись в иные пространства, мог обрести в мире, отличном от действительности, подобие гармонии, теперь же он утверждает мысль о том, что больше не в состоянии с помощью собственного воображения добиться создания целостной реальности: «Да, я еще живу. Но что мне в том, / Когда я больше не имею власти / Соединить в создании одном / Прекрасного разрозненные части» [8]. Внеземное пространство, по которому перемещается лирический субъект, характеризуется пустотой, отсутствием всего, включая собственные переживания лирического субъекта, и дает ему ощущение свободы от того, что омрачало его пребывание в пространстве действительности: «И нет ни России, ни мира, / И нет ни любви, ни обид – / По синему царству эфира / Свободное сердце летит» [8].

Привычные для раннего творчества маршруты лирического субъекта получают переосмысление. Стихотворение «Все розы увяли. И пальма замерзла» отчасти перекликается со стихотворением из ранней лирики, где лирический субъект перемещается в «Сады Гесперид» («И большая дорога на запад ведет облаками / В золотые, как поздняя осень, Сады Гесперид» [8]). В тексте петербургского периода лирический субъект не одинок в идиллическом ирреальном пространстве: «Больше теплого ветра, и волн, и морского песка. / В этом томном, глухом и торжественном мире – нас двое, / Больше нет никого. Больше нет ничего...» [8]. Теперь же эта реальность находится в состоянии постепенного умирания: «Все розы увяли. / И пальма замерзла. / По мертвому саду я тихо иду» [8]. Вместо «садов Гесперид» лирическому субъекту предлагается пространство, представляющее русскую культуру («Звезда выкликает звезду» как реминисценция к Лермонтову – «Звезда с звездой говорит»). Мир, наполненный литературными кодировками, мир «лермонтовской» реальности тоже видоизменяется, оказывается в ситуации ожидания грядущей беды, которая направлена не на лирического субъекта, а на иное пространство: «И слышу, как в небе по азбуке Морзе / Звезда выкликает звезду, / И мне – а не ей – обещает беду» [8].

Иванов продолжает мысль о невозможности перемещения в пространство культуры – один из излюбленных маршрутов лирического субъекта в ранней лирике. В одном из поздних текстов лирическим субъектом описывается, как воображаемые реальности, к которым он стремился раньше, подвергаются процессу деколорации, кроме того, уходят в небытие и реальности, предполагающие погружение лирического субъекта в пространство картины, и мир театрального искусства: «Перекистью водорода / Обесцвечена природа. / Догорают хризантемы / (Отголосок старой темы) / Отголосок песни старой – / Под луной Пьеро с гитарой... / Всюду драма. Всюду убыль. / Справа Сомов. Слева Врубель» [8]. Поскольку прошлое постепенно теряет свою значимость и ценность, лирическому субъекту кажется бессмысленным и перемещение по старым маршрутам.

В лирике позднего периода путешествия лирического субъекта лишаются конкретных направлений. Исключение составляет пространство Петербурга, движение к которому происходит из-за желания лирического субъекта вернуться на родину. Показательным является текст «Полутона рябины и малины», где в

каждой строке упоминаются те основные маршруты, по которым странствовал в своем воображении, вероятно, во время осуществления творческого процесса лирический субъект: Шотландия, Коринф, Афины, Грузия. Завершается данная цепочка упоминанием Пятигорска, что, в свою очередь, привлекает знакомый нам уже лермонтовский контекст. Лирический субъект отказывается от воспоминаний о мире, связанном с культурным прошлым, поскольку мыслями устремлен в истинное, пережитое им прошлое. Но поскольку вернуться в это прошлое невозможно, решением проблемы представляется гибель и полное разъединение с реальностями (в т. ч. с теми, которые воплощают в себе черты ушедшей культуры): «...И лучше умереть, не вспоминая, / Как хороши, как свежи были розы» [8].

Лирический субъект проводит четкую грань между «своим» и «чужим» пространствами: «Спит спокойно и сладко чужая страна / Море ровно шумит. Наступает весна / В этом мире, в котором мы мучимся» [8]; «Я, что когда-то с Россией простился / (Ночью навстречу полярной заре), / Не оглянулся, не перекрестился / И не заметил, как вдруг очутился / В этой глухой европейской дыре» [8]. Что касается пространства утраченной родины, то лирическим субъектом признается невозможность его вернуть иначе как посредством собственной памяти: «Ничего не вернуть. И зачем возвращать? / Разучились любить, разучились прощать, / Забывать никогда не научимся...» [8].

Отметим, что лирический субъект в своем воображении не переносится в пространство России, приближенное к действительности. В основном Россия, к которой обращается в своем сознании лирический субъект, является достаточно условным пространством, со своими характеристиками, не вполне соответствующими ее реальному образу («Как осужденные, потерянные души / Припоминают мир среди холодной тьмы, / Блаженной с каждым днем и с каждым часом / Наш чудный Петербург припоминаем мы» [8]). Это объясняется тем, что в представлении лирического субъекта отсутствие доступности к объекту уравнивается с исчезновением искомого объекта в целом: «Если плещется где-то Нева, / Если к ней долетают слова...» [8].

Иногда лирический субъект отказывается признавать факт существования России в целом; несуществование ее в человеческой памяти становится эквивалентно несуществованию в действительности: «Нет в России даже дорогих могил, / Может быть, и были – только я забыл. / Нету Петербурга, Киева, Москвы – / Может быть, и были, да забыл, увы» [8]. Отсутствие родного пространства оставляет лирическому субъекту лишь один маршрут для путешествия («Хорошо, что нет Царя. / Хорошо, что нет России. / Хорошо, что Бога нет / Только желтая заря, / Только звезды ледяные. / Только миллионы лет» [8]). В данном контексте России оказывается противопоставлено безлюдное пространство мировой пустоты: «Хорошо – что никого, / Хорошо – что ничего. / Так черно и так мертво, / Что мертвее быть не может / И чернее не бывать» [8].

Россия сравнивается с лирическим субъектом с потерянным миром, который может быть обретен после прохождения сквозь пространство небытия: «Распыленный мильоном мельчайших частиц / В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире, / Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц, / Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире» [8]. Одной из констант русского пространства и при таком раскладе остается Петербург: «И опять, в романтическом Летнем Саду, / В голубой белизне петербургского мая, / По пустынным аллеям неслышно пройду, / Драгоценные плечи твои обнимая» [8]. Пространство Петербурга конструируется с помощью механизмов памяти лирического субъекта и дополняется конкретными персоналиями и реалиями, включенными в культурный код: «Быть может, города другие и прекрасны... / Но что они для нас! Нам не забыть, увы, / Как были счастливы, как были мы несчастны / В туманном городе на берегу Невы» [8].

Заметим, что такое перечислительное упоминание в текстах вполне конкретных образов, связанных с Петербургом, – черта, объединяющая многих поэтов-эмигрантов, которые вынуждены апеллировать к собственной памяти для воспроизведения в сознании образа оставленной родины в целом и Петербурга в частности. Об этом свойстве пишут В. Хазан и Р. Тименчик [13], говоря о стихотворениях Г. Эрнстова, Н. Русской, Д. Соложева и др. В стихотворениях Иванова Петербург тоже предстает скорее миром-видением, восстановленным по собственной памяти, чем реальным пространством. В. Вейдле отмечает, что представление города на Неве как определенного рода грёзы достаточно распространенный прием в творчестве писателей-эмигрантов первой волны [14].

В «Посмертном дневнике» литературные кодировки отчасти меняются. Так, в одном из стихотворений, находясь в болезненном, близком к смерти состоянии, лирический субъект мысленно переносится в реальность собственного авторства, которую воссоздавал в своих текстах «...Московские елочки, Снег. Рождество. / И вечер, – по-русскому, – ласков и тих... / И голубые комсомолочки...» / «Должно быть, умер и за них» [8]. Теперь пространство России включает в себя и собственно ивановские литературные реалии и образы. Предпосылками к тому, что лирический субъект начнет использовать собственное творчество для возвращения в пространство литературной реальности, являются более ранние тексты, в которых поэт включает свои тексты в общелитературный контекст, доступный лирическому субъекту: «Старые счета перебираю. / Умереть? Да вот не умираю. / Тихо перелистываю «Розы» – / «Кабы не цветы да не морозы!» [8].

У лирического субъекта, находящегося перед лицом смерти, исчерпываются возможности для совершения путешествия: «Если некуда больше податься, / И никак не добраться домой» [8]. Лирический субъект признает, что уже не сможет вернуться в Россию (по крайней мере, физически): «Но я не забыл, что обещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами» [8]. Лирическим субъектом осознается, что Россия – пространство, существующее благодаря работе воображения: «Могу ж я помечтать, по крайней мере, / Что я еще лет десять проживу. / Свою страну увижу наяву ... Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет. / На что надеяться, о чем мечтать? / Я даже не могу с кровати встать» [8].

В одном из последних текстов Иванова вновь актуализируется противопоставление эмигрантской реальности и пространства, в которое лирический субъект совершает перемещение. Лирическим субъектом утверждается неприязненное отношение к действительности, в которой он находится. Лирический субъект отказывается признавать, что факт эмиграции действительно произошел, говорит о том, что сама эмигрантская быль была лишь одним долгим путешествием, произошедшим во сне («Даже больше того. И совсем я не здесь. / Не на юге, а в северной царской столице. / Там остался я жить. Настоящий. Я – весь. / Эмигрантская быль мне всего только снится...» [8]). Лирический субъект утверждает, что на самом деле он принадлежит пространству России – тому пространству, о котором вспоминает, которое пытается воссоздать в своем воображении. В этом пространстве у лирического субъекта есть постоянный спутник – Гумилев, являющийся поэтом, как и сам лирический субъект. Кроме того, в этой обретенной реальности (путь в которую лежит через опыт смерти – «Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты» [8]) хранится память об ушедших временах: «Мы спокойно, классически просто идем, / Как попарно когда-то ходили поэты» [8].

Заключение

Таким образом, изучение основных направлений воображаемых путешествий в эмигрантской и доэмигрантской лирике Иванова позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, лирический субъект эмигрантской лирики продолжает тяготеть к

перемещению из пространства действительности в пространство инобытия, однако сам факт перемещения подготавливается не столько интенсивной работой воображения, сколько болезненным состоянием, близким к смерти. Во-вторых, если лирический субъект ранней лирики стремится попасть в воссозданное в его сознании литературное и культурное прошлое, отражающее целостность и гармонизацию земного существования, то лирическим субъектом поздней лирики осознается собственная беспомощность перед мировой бессмыслицей и хаосом, что приводит к сокращению числа возможных маршрутов и сосредоточению на двух основных направлениях: космическое пространство небытия и пространство утраченной родины. В связи с потерей эпохами прошлого своей значимости для лирического субъекта актуальной становится проблема забвения, преодолев которое, он может восстановить в своем сознании единственную реальность, которая спасет его от бесконечного пребывания в «черной пустоте» – реальность потерянной в действительной жизни России. Пространство России в отличие от космического пространства небытия обладает устойчивыми чертами и образами, оказывается населено знакомыми лирическому субъекту людьми, с которыми тот может вступить в подобие диалога. Именно в пространстве России не теряют своей актуальности литературные и культурные коды, которые теперь работают на сохранение воспоминаний о родине, пусть и преобразованных сознанием лирического субъекта и не соответствующих действительности. Лирический субъект также пытается вписать самого себя в условное литературное пространство родной страны, чтобы остаться в нем и после физической смерти.

Л и т е р а т у р а

1. Якунова Е.А. Своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова: Автореф. дис. ... к. филол. н. Череповец: 2004:21.
2. Соколова Т.С. Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова: Автореф. дис. ... к. филол. н. Санкт-Петербург: 2009:18.
3. Загребельная Н.К. Петербург и другие: образы локального пространства в поэзии Георгия Иванова. *Печать и слово Санкт-Петербурга* (Петербургские чтения – 2016): сборник научных трудов. Санкт-Петербург: СПбГУПТД; 2017:156-162.
4. Варакина Е.Р. Картина мира в лирическом произведении: на материале творчества Г. Иванова и Странника (Д. Шаховского): Автореф. дис. ... к. филол. н. Москва: 2009:24.
5. Несынова Ю.В. Эволюция поэтической системы Г. В. Иванова: Автореф. дис. ... к. филол. н. Екатеринбург: 2007:23.
6. Фаустов А.А., Савинков С.В. Игры воображения. *Историческая семантика характера в русской литературе*. Воронеж: Научная книга; 2013:336.
7. Кожина Е.Ф. *Искусство Франции XVIII века*. Ленинград: Искусство; 1971:215.
8. Иванов Г.В. *Собрание сочинений*: в 3 томах. Т. 1: стихотворения. Москва: Согласие; 1993:656.
9. Богомолов Н.А. Талант двойного зренья: Творческий путь Г. Иванова. *Вопросы литературы*. 1989;(2):116-142.
10. Иванов Г.В. *Отплытие на о. Цитеру: Поэзы*. Книга первая. Санкт-Петербург: Еgo; 1912:32.
11. Мандельштам О.Э. *Полное собрание сочинений и писем*: в 3 т. Т. 1: стихотворения. Санкт-Петербург: Гиперион; 2020:700.
12. Лермонтов М.Ю. *Сочинения*: в 6 томах. Т. 1: стихотворения 1828–1831. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; 1954:452.
13. Тименчик Р., Хазан В. «На земле была одна столица». *Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна)*. Санкт-Петербург: Академический проект, Издательство ДНК; 2006:848.
14. Вейдле В. *Безымянная страна*. Париж: ИМКА-пресс; 1968:166.

References

1. Yakunova EA. The peculiarity of the artistic world of early lyrics of Georgy Ivanov. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Cherepovets: 2004:21 (in Russian).
2. Sokolova TS. The poetics of space and time in the lyrics of Georgy Ivanov. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Saint-Petersburg: 2009:18 (in Russian).
3. Zagrebel'naya NK. Petersburg and others: images of local space in the poetry of Georgy Ivanov. *The seal and the word of St. Petersburg: (St. Petersburg readings – 2016)*. Saint Petersburg: SPbSUITD; 2017:156-162 (in Russian).
4. Varakina ER. The worldview in a lyrical work: based on the works of G. Ivanov and Strannik (D. Shakhovskiy). Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 2009:24 (in Russian).
5. Nesynova YuV. Evolution of the poetic system of G. V. Ivanov. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Ekaterinburg: 2007:23 (in Russian).
6. Faustov AA, Savinkov SV. Games of imagination. *Historical semantics of character in Russian literature*. Voronezh: Publishing House "Science book"; 2013:336 (in Russian).
7. Kozhina EF. *The art of 18th century France*. Leningrad: "Art"; 1971:215 (in Russian).
8. Ivanov GV. *Collected works: in 3 volumes*. Vol. 1: poems. Moscow: Publ. House "Soglasie"; 1993:656 (in Russian).
9. Bogomolov NA. The talent of double vision: The creative path of G. Ivanov. *Literature questions*. 1989;(2):116-142 (in Russian).
10. Ivanov GV. *Sailing to Tsiteru island: Poetry. The first book*. St. Petersburg: Publ. House "Ego"; 1912:32 (in Russian).
11. Mandelshtam OE. *Collected works and letters: in 3 volumes*. Vol. 1. St. Petersburg: Hyperion; 2020:700 (in Russian).
12. Lermontov MYu. *Collected works: in 6 volumes*. Vol. 1: poems 1828-1831 Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954:452 (in Russian).
13. Timenchik R, Khazan V. "There was only one capital on earth...". *Petersburg in the poetry of Russian emigration (first and second waves)*. St. Petersburg: Academic Project, Publ. House "DNK"; 2006:848 (in Russian).
14. Veidle V. *The nameless country*. Paris: Publ. House "YMCA-press"; 1968:166 (in Russian).

Сведения об авторе

ВЫСОЦКАЯ Мария Игоревна – аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0009-0006-6852-3205, e-mail: masha208889@gmail.com

About the author

Maria I. VYSOTSKAYA – Postgraduate Student, Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0009-0006-6852-3205, e-mail: masha208889@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 01.04.25

Принята к публикации / Accepted 05.05.25